

ТРАНССУБЪЕКТИВНЫЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ ДИМИТРИЯ ГИНЕВА

Мельников Андрей Сергеевич – кандидат социологических наук, доцент, докторант факультета социологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

У статті розглядаються загальні положення теорії транссуб'єктивного екзистенціалізму сучасного болгарського дослідника Дімітрія Гінева, до головної характеристики зазначеного підходу віднесена критика есенціалістської теорії практики. Показана значущість диференціації понять транссуб'єктивності та інтросуб'єктивності, що відображають, відповідно, онтологічний рівень соціальної реальності з характерною для нього трансцендентністю, потенційністю і динамічністю, та онтичний рівень суспільства, якому притаманна поверхнева актуальність, об'єктивність, реіфікація, статичність і емпіричність. Структура концепції транссуб'єктивного екзистенціалізму вибудовується на підставі принципу «герменевтичного кола» стосовно проблеми соціальної практики і таких її параметрів, як взаємопов'язаність з іншими практиками, єдність просторових і часових вимірів (хронотоп), конституювання смислів, освоєння (детермінізм) і проектування (волютаризм) можливостей, «ситуаційна трансценденція», вибір і рутинізація. Стверджується необхідність включення концепції Д. Гінева в структуру екзистенціальної парадигми в соціології.

Ключові слова: екзистенціальна соціологія, Дімітрій Гінев, транссуб'єктивний екзистенціалізм, теорія практики, хронотоп.

В статье рассматриваются общие положения теории транссубъективного экзистенциализма современного болгарского исследователя Димитрия Гинева, к основной характеристике указанного подхода отнесена критика эссенциалистской теории практики. Показана значимость дифференциации понятий транссубъективности и интросубъективности, отражающих, соответственно, онтологический уровень социальной реальности с характерной для него трансцендентностью, потенциальностью и динамичностью, и онтический уровень общества, которому присуща поверхностная актуальность, объективность, реификация, статичность и эмпиричность. Структура концепции транссубъективного экзистенциализма выстраивается на основании принципа «герменевтического круга» применительно к проблеме социальной практики и таких ее параметров, как взаимосвязанность с другими практиками, единство пространственных и временных измерений (хронотоп), конститирование смыслов, освоение (детерминизм) и проецирование (волютаризм) возможностей, «ситуационная трансценденция», выбор и рутинизация. Утверждается необходимость включения концепции Д. Гинева в структуру экзистенциальной парадигмы в социологии.

Ключевые слова: экзистенциальная социология, Димитрий Гинев, транссуб'єктивний екзистенціалізм, теорія практики, хронотоп

The paper examines general provisions of the theory of transsubjective existentialism of contemporary Bulgarian scientist Dimitri Ginev. The main characteristics of indicated approach are related to criticism of the essentialist theory of practice. There is specific consideration on the importance of differentiation of concepts «transsubjectivity» and «intersubjectivity», reflecting, respectively, the ontological level of social reality, characterized by transcendence, potentiality and dynamism, and the ontic level of society, for that surface actuality, objectivity, reification, static and empiricism are intrinsic. The structure of the theory of transsubjective existentialism is built on the basis of the principle of the «hermeneutic circle» in relation to social practices and its parameters, such as: 1) interconnectivity with other practices; 2) unity of spatial and temporal dimensions («chronotope»); 3) constitution of meaning; 4) development (determinism) and the projection (voluntarism) of possibilities; 5) «situational transcendence»; 6) choice and routinization. The need for subsequent integration of Dimitri Ginev's transsubjective existentialism to the general structure of the existential paradigm in sociology is underlined.

Keywords: existential sociology, Dimitri Ginev, transsubjective existentialism, theory of practice, «chronotope»

В современной социологии наметилась устойчивая тенденция к актуализации того типа проблематики и методологии, который наиболее соответствует экзистенциалистской перспективе в отношении социального бытия. Усиление социологической рефлексии под влиянием постнеклассического подхода дополнительно способствует перемещению экзистенциализма с периферии в центр анализа новейших социальных изменений. При этом наблюдается не просто слепое копирование социологами идей экзистенциальной философии, но постепенное формирование полноценной экзистенциально-социологической парадигмы, синтезирующей наиболее важные достижения обеих областей знания. Вместе с тем, существует явный недостаток историко-социологического осмысления экзистенциальной социологии, направленного на раскрытие сущности тех конкретных концепций и теорий, которые уже включены в структуру данной парадигмы или обладают соответствующим потенциалом. К числу последних относится экзистенциалистская теория современного болгарского исследователя Димитрия Гинева.

Несмотря на многочисленные ссылки на работы Д. Гинева в зарубежной литературе, его научное творчество еще не выступало предметом специального рассмотрения. Исследования болгарского ученого опираются на наследие философского экзистенциализма (М. Хайдеггер, К. Ясперс, Г. Марсель, Ж.-П. Сартр, А. Камю и др.), однако не имеют эксплицитной, формальной связи с парадигмой экзистенциальной социологии (Э. Тирикьян, Дж. Дуглас, Дж. Джонсон, Дж. Котарба, А. Фонтана, С. Лаймен, М. Скотт, П. Меннинг, М. Болль да Баль, К. Вольф, М. Вейнштейн, Дж. Хейм). Исходя из этого, главной целью представленной статьи является историко-социологический анализ научных идей Д. Гинева, делающий возможным их последующую интеграцию в общую структуру экзистенциально-социологической парадигмы.

Димитрий Гинев относится к тому новому типу исследователей, которых сложно однозначно охарактеризовать с точки зрения дисциплинарной принадлежности. Его широкие интересы точнее всего могут быть определены как философия науки, совмещающая в себе элементы герменевтики, экзистенциализма, феноменологии и социокультурной онтологии. Гинев обладает большим опытом международной деятельности, что повлияло на многомерность его интеллектуальной позиции. В последние годы он преподавал в Софийском университете Болгарии, занимал исследовательскую должность в Университете Констанца (Германия), а в настоящий момент возглавляет редакцию европейского журнала «Divinatio: studia culturologica». На протяжении своей профессиональной карьеры Гинев опубликовал около 400 научных работ, включая более чем 20 монографий. Первые публикации Гинева в начале 1980-х годов были связаны с темой его диссертации, посвященной герменевтической трактовке введенного Т. Куном понятия парадигмы. Болгарский ученый пытался соотнести герменевтику и эпистемологию, на основании чего приобщился к развитию подхода «герменевтического реализма», суть которого состояла в критике статичного сциентизма. В дальнейшем его исследования охватывали широчайший круг проблем, включающих в себя пост-метафизическую критику проекта современности, рассмотрение процессов эмансипации и секуляризации, анализ политической сферы общества.

Непосредственно экзистенциалистское содержание философии науки Гинева опирается на наследие М. Хайдеггера, отражаясь в развитии проблематики онтологии гуманитарных наук и таких концептуальных понятиях, как «экзистенциальная онтология» [1-3], «экзистенциальная пространственность» [4-6], «экзистенциальная культурология» [7] и «когнитивный экзистенциализм» [8-10]. В контексте сложного переплетения данных понятий автор выдвигает «доктрину трансубъективного экзистенциализма» [11-12], совпадающую в предметном плане с экзистенциальной социологией и ее стремлением осмыслить общество как социальную экзистенцию. Заявленная доктрина предназначена для решения с позиции экзистенциальной аналитики разных дилемм теории практики, последняя из которых понимается как часть социальной теории. По сути, главная идея Гинева не отличается здесь существенно от соответствующих идей в других его концепциях. Ее специфика заключается в герменевтической и онтологической трактовке теории практики, что в результате приводит к герменевтически-реалистскому выделению такой категории, как «хронотоп», заимствованной у М. Бахтина.

Ссылаясь на исследования А. Реквитца [13], Гинев дифференцирует четыре типа культуральной теории: теория практики; культурный/структуралистски-семиотический ментализм; дискурсивный интерсубъективизм; социально-конструктивистский текстуализм. Эти типы противопоставляются классическому картезианскому подходу в социальной теории с его долгосрочными последствиями в виде подчеркивания рациональной, социально-экономической природы человека. В отличие от других типов оппозиционной культуральной теории, теория практики, а особенно ее герменевтически-

феноменологическая версия, радикально настроена против эпистемологических дилемм и, в частности, — против дихотомии «субъективизм-антисубъективизм». Соответственно, понятие транссубъективизма становится продуктом этой эпистемологической стратегии.

Гинев описывает теорию практик как такой подход, предметом которого является конституирование смыслов в контексте деятельности. Практика — это не только принятая большинством членов социальной группы форма организации поведения, как полагают эссенциалисты, но и внутренний управленческий ресурс, способный контролировать собственную продуктивность. Эссенциалистские теории практики склонны фокусироваться на примитивном объективизме и инвариантности объективированных практик. Транссубъективный экзистенциализм, напротив, выходит за пределы объективистского понимания практик и рассматривает их с позиции герменевтической концепции, которая развивает и трансформирует положения экзистенциальной аналитики. В основе этой концепции лежит сопоставление позитивно-ограничивающих и негативно-освобождающих аспектов познания практики и соответствующих им факторов онтического и онтологического порядка, с утверждением превосходства последнего.

Онтологическое рассмотрение практик предполагает их взаимосвязанность и соотнесенность, что, по мнению Гинева, противоположно объективистской идентификации практики как частного, локализованного, дискретного феномена. Взаимосвязанность практик не просто означает ее реализацию акторами, состоящими в определенных отношениях, но и включает в себе возможности, конституирующие в своей непрекращающейся актуализации коллективную идентичность совместно практикующих индивидов. Таким образом, индивиды понимают себя с точки зрения возможностей, которые они могут совместно использовать. Однако термин «понимание» имеет здесь очень тонкое значение, состоящее в проецировании смыслов определенных взаимосвязанных практик на конституирующие возможности, что дает индивиду указания на то, как он может органично соответствовать заданному контексту. «Коллектив (группа) акторов, — пишет Гинев, — тогда разделяет взаимосвязанные практики, когда они артикулируют ту сеть смыслов, которую взаимосвязь проецирует на возможности» [11, с. 79]. Таким образом, процесс создания смыслов фактически совпадает с реализацией возможностей и конструированием.

Критикуя традиционный подход к практикам, Гинев приводит в пример социологизм Э. Дюркгейма, опирающийся на принципы каузальности, детерминизма и понимания социальных фактов как вещей в себе или реальности *sui generis*. Взаимосвязанность практик налагает на актора определенные ограничения, дополняя физическую каузальность причинами социального типа. В частности, категория социальной памяти М. Хальбвакса демонстрирует, как социальный порядок определяет логику того, что и как должен помнить индивид. Для закрепления этого влияния формируются соответствующие мнемонические практики.

Противоположностью каузального детерминизма является отрицание практик как реальности *sui generis*. Надиндивидуальные силы заменяются здесь понятием конкретных привычек, носящих индивидуально-психологический характер. Также отрицается холистическая социальная онтология и утверждается относительная свобода действия. Пытаясь преодолеть крайности обеих позиций, Гинев указывает на необходимость корректной интерпретации проблемы дуальной природы практик, согласно которой они одновременно являются ограниченными эмпирическими объектами и открытыми, посредством взаимосвязи с другими практиками, социокультурными феноменами. Такая интерпретация может быть осуществлена при использовании принципа «герменевтического круга» в построении рефлексивной теории практик.

По мнению Гинева, на шкале между холизмом и психологизмом находится множество умеренных подходов, среди которых выделяется теория практик П. Бурдьё. Вводя понятие габитуса, французский социолог нашел транссубъективный способ выхода за пределы дихотомии крайних позиций, поскольку габитус не относится к объективным феноменам, но также и не «существует» как таковой. Теоретическая стратегия Бурдьё диалектична (соотношение «микро»-«макро») и направлена против чистого холизма или эссенциализма, поскольку она уклоняется от принципа сведения практик только к логическим действиям. Так называемая «теорема экономии практической логики» Бурдьё показывает, что логика не должна использоваться сверх того, что необходимо для практических целей. Ориентация Гинева близка к теории Бурдьё, но она больше смещена в сторону герменевтики. Транссубъективный экзистенциализм резко выступает против редуционизма, реификации и объективации социального. Его суть состоит в подчеркивании взаимозависимости практик, производящих горизонт возможностей, благодаря которому

индивидуальные или коллективные субъекты способны совершать определенный выбор. При этом наличие горизонта возможностей обеспечивает преодоление субъективности и переход к транссубъективному измерению.

Подобно другим представителям экзистенциальной социологии (Э. Тирикьян, Дж. Джонсон), Гинев отмечает, что в основе теории практики лежит принцип ситуационной трансценденции, описываемой как состояние выбирающих субъектов, которые своим выбором не могут исчерпать горизонт возможностей. Ситуационная трансценденция делает практического субъекта схожим с тем, что М. Хайдеггер назвал дуальной структурой *Dasein* или транссубъективностью, уклоняющейся от крайностей индивидуализма и коллективизма через помещение индивида в культурно обусловленную ситуацию. Однако ситуация как горизонт возможностей не детерминирует действия субъекта, а пребывает на уровне транссубъективности в положении взаимного воздействия. С помощью практик возможности не только проецируются, но также и осваиваются. Этот тезис Гинев развивает в двух так называемых «дефинициях», согласно первой из которых (*Definition I*), конфигурация практики определяется в том случае, когда актуализация возможностей принимает форму конкретного пространственно-временного порядка деятельности, включая речевую активность. Данные порядки позволяют дифференцировать различные практики в их относительной автономности. Обоюдная тенденция проекции и освоения возможностей указывает на темпоральность практик в их взаимосвязанности. Темпоральность превращает настоящее в актуализированную возможность посредством ориентации на будущее и раскрытия прошлого перед новыми перспективами. Однако способность выбора лишает темпоральные параметры их абсолютной детерминирующей силы и экстернатальности. Таким образом, возникает сбалансированная взаимосвязь между общей темпоральной перспективой выбора (освоение возможностей) и его индивидуальной актуальностью (проецирование возможностей). Сущностью такой взаимосвязи является интерпретативность, что и отражено в понятии герменевтического круга.

Хотя Гинев лишает темпоральные тенденции их детерминирующего воздействия, в рамках «первой дефиниции» он все же понимает под практиками не столько их персонифицированное воплощение, сколько относительную объективированность (транссубъективность) в виде схемы конституирования коллективно разделяемых смыслов. Коллективы, с данной точки зрения, не создают практики, но сами определяются практиками через социально разделяемые выборы в контексте существующих возможностей. Важно также, что проекция возможностей возникает из взаимозависимости практик, а не из коллективного сознания или коллективной ментальности индивидов. В целом же, речь идет о транссубъективности как выборе из перечня уже существующих возможностей, что указывает на тот факт, что «заброшенные в мир» индивиды не являются ни абсолютно свободными, ни полностью подчиненными социокультурному порядку. Примерами первой дефиниции являются те коллективы, которые, не имеют жестких границ и могут быть представлены жителями мегаполиса или поликультурного региона с гетерогенной транссубъективностью. В отличие от социологического понятия интересубъективности, которое носит во многом эмпирический характер, транссубъективность отсылает не к социальному, а к онтологическому уровню реальности. Иными словами, транссубъективность выступает необходимым условием формирования интересубъективности.

Вторая дефиниция транссубъективного экзистенциализма (*Definition II*) связана с пониманием определенной конфигурации практики как исходной единицы анализа. Этот аспект не означает, что практика становится полностью автономной и теряет взаимосвязь с другими практиками. Наоборот, в онтологическом плане взаимосвязанность всегда предшествует относительной автономности практик. Парадоксальным образом практика локализована, дискретна и одновременно соотносена с другими практиками по логике герменевтического круга. Пытаясь разрешить этот парадокс, Гинев прибегает к понятию хронотопа. Но прежде он ссылается на теорию практики Т. Шацки, которая демонстрирует склонность к дискретной методологии, приводящей к объективистской позиции касательно практик и состоящей в их трактовке как полностью пространственных, статичных феноменов. Фундаментальный принцип построения теории практик, выдвигаемый Гиневым, напротив, заключается в подчеркивании взаимосвязанности динамического типа. Данный принцип, тем не менее, не игнорирует сложный вопрос о том, каким образом непрерывная темпоральность практик делает возможным их эмпирическое, локализованное оформление, при котором четко проявляется дифференциация прошлого, настоящего и будущего времени. К этому вопросу добавляется уже отмеченная ранее проблема конституирования смыслов, и поэтому болгарский исследователь видит общее решение возникших трудностей для теории

практики в гармоничном, неподчиненном сочетании эмпирического и феноменологического подходов, а также в совмещении онтических и онтологических аспектов соответственно.

Такой трансцендентный фактор, как горизонт возможностей, делает взаимозависимые практики основой непрерывного процесса формирования смыслов. Учет трансцендентного фактора устраняет дискретность путем включения локальных смысловых совокупностей во всеобщую сеть смыслов. Перечень возможностей в каждой конкретной ситуации является ограниченным, но сам процесс выбора возможностей неисчерпаем. Таким образом, объясняется парадоксальное сочетание конечности и бесконечности, ограниченности и свободы. Несмотря на акцентирование динамического, трансцендентного фактора, в транссубъективном экзистенциализме все же признается значимость так называемой «онтологии места», согласно которой социальное всегда может быть отнесено к какой-либо пространственной ситуационности. Отрицание ситуационности и темпоральной репродуктивности является ошибочным, поскольку предполагает реификацию практики и ее объективацию. Ситуационность подразумевает включение пространственного измерения в общий процесс конституирования смыслов. Взаимосвязанные практики раскрывают реальность как пространство, объемлющее возникновение, формирование и изменения смыслов. Но поскольку ситуационность практик и смыслов не должна сводиться к полной автономности и дискретности, их локальность должна обладать относительным характером. Добавление же обязательного условия учитывать темпоральность ситуаций или мест (*site*) наилучшим образом выражается в категории хронотопа.

Будучи уровнем развертывания мира, хронотоп соотносится с решающим выбором одной из существующих возможностей. Этот вид выбора приводит к кардинальной перестройке взаимозависимых практик и изменяющихся ситуаций. Именно в момент подобной перестройки хронотоп с его структурными свойствами может быть обнаружен. Перестройка также является формой идентификации субъектов в привязке к соответствующему изменившемуся месту, поэтому можно заметить, что идентичность не только фиксирует определенные параметры новой ситуации, но и устраняет все элементы, потерявшие свое прежнее значение. Примерами решающего выбора могут быть ученые, принявшие новую парадигму, или художники, избравшие принципиально новый стиль творчества. С учетом ключевого значения категории хронотопа, транссубъективный экзистенциализм Гинева совпадает с перспективой «герменевтического реализма» [14] в том, что социальные практики имеют не только актуальное, но и потенциальное измерение, открытость возможностям. В обеих ситуациях интерес представляет как сам акт выбора возможностей, включая решающий выбор, так и последующая рутинизация новых пространственно-временных структур, возвращающая к транссубъективно-неаутентичному состоянию *das Man* (М. Хайдеггер).¹ Герменевтический реализм отказывается определять реальность в качестве чего-то внешнего. Реальность здесь рассматривается как бытие-в-мире и «экстазис», а сознание понимается в виде неотъемлемой части реальности. В связи с этим, любая социальная практика одновременно представляет собой когнитивную практику, включающую в себя акты восприятия, воображения, наррации и т.д., а каждый акт познания всегда ситуационно и темпорально обусловлен. Когнитивность наделяет практики рефлексивностью, что отражается в самосознании, понимании и ответственности за выбор.

Общее рассмотрение транссубъективного экзистенциализма Д. Гинева показывает, что одним из основных принципов его концепции является противопоставление экзистенциалистской перспективы и методологического эссенциализма, воплощенного в сциентистских формах познания. Все многообразие таких базовых понятий в концепции Гинева, как «экзистенциальная онтология», «когнитивный экзистенциализм» или «герменевтический реализм», сводится к единой позиции, формирующейся через отрицание чистого объективизма, позитивизма, квантификации, инвариантности и других подобных принципов классического научного исследования номотетического типа. Болгарский ученый подходит к социальной проблематике с помощью крайне абстрактной терминологии и зачастую понятийно перегружает и запутывает свои концептуальные построения. Тем не менее, его взгляд на предмет экзистенциальной социологии несомненно способствует укреплению целой системы междисциплинарных связей (философия науки, герменевтика, культурология, социальная онтология и др.), а также усиливает общие теоретические основания экзистенциально-социологической парадигмы.

Ключевые элементы концепции Гинева, которые имеют социологическую значимость, связаны с разработкой понятия экзистенциальной транссубъективности. Последнее не отождествляется с феноменом

---

¹ Это важное для экзистенциальной социологии утверждение Гинева рассматривалось ранее в его отдельной работе [15].

интерсубъективности, а относится к онтологическому уровню социальной реальности, с характерной для него трансцендентностью, потенциальностью и динамичностью. В свою очередь, интерсубъективность существует на онтическом уровне общества, для которого присуща поверхностная актуальность, объективность, реификация, статичность и эмпиричность. Социологическая структура концепции транссубъективного экзистенциализма выстраивается вокруг фокусировки на проблеме социальной практики и таких ее параметров, как взаимосвязанность с другими практиками, единство пространственных и временных измерений (хронотоп), конституирование смыслов, освоение (детерминизм) и проецирование (волюнтаризм) возможностей. Понятие транссубъективности, таким образом, предполагает необходимость социологического осмысления проблемы выбора, совершаемого индивидуальными и коллективными субъектами, включая решающий (или стратегический) выбор. Также транссубъективность описывается в виде ситуационной трансценденции, что делает важным последующее изучение социальных ситуаций и их развертывание в более широком контексте горизонта возможностей. И наконец, одной из фундаментальных проблем, заслуживающих дальнейшего внимания экзистенциально-социологической парадигмы, является исследование последствий выбора возможностей, состоящих в феноменах рутинизации, угрожающих аутентичности социальной группы и способствующих ее переходу в состояние экстернальной массовости. Перечисленный перечень основных социологических проблем транссубъективного экзистенциализма должен не только сохраняться на уровне относительно независимой концепции, но и требует более глубокой интеграции в систему общепарадигмальных положений экзистенциальной социологии.

Литература:

1. Ginev D. Existential Ontology and Philosophy of Science / Dimitri Ginev // *Explorations in Knowledge*. – 1992. – Vol. 9 (1). – P. 1-8.
2. Ginev D. Fundamental Ontology and Regional Ontology of Humanities / Dimitri Ginev // *Epistemologia*. – 1992. – Vol. 15 (1). – P. 87-101.
3. Ginev D. On the Existential Interpretation of the Human Sciences / Dimitri Ginev // *Man and World: An International Philosophical Review*. – 1994. – Vol. 27. – P. 349-359.
4. Ginev D. The Scope of Existential Spatiality / Dimitri Ginev // *Santalka. Lithuanian Journal for Philosophy*. – 2010. – Vol. 8. – P. 54-71.
5. Ginev D. From Existential Spatiality to the Metric Science of Space / Dimitri Ginev // *Existencia. An International Journal of Philosophy*. – 2011. – Vol. 21. – P. 179-198.
6. Ginev D. Conflicting Scenarios Regarding Existential Spatiality in *Being and Time* / Dimitri Ginev // *Journal of the British Society for Phenomenology*. – 2012. – Vol. 43. – P. 285-304.
7. Ginev D. Die Mehrdimensionalität geisteswissenschaftlicher Erfahrung / Dimitri Ginev. – Essen : Die Blaue Eule, 1995. – 108 p.
8. Ginev D. From Existential Conception of Science to Hermeneutic Phenomenology of Scientific Research / Dimitri Ginev // *Journal of Philosophical Research*. – 2009. – Vol. 34. – P. 365-389.
9. Ginev D. The Tenets of Cognitive Existentialism / Dimitri Ginev. – Athens, OH : Ohio University Press, 2011. – 248 p.
10. Debating Cognitive Existentialism: Values and Orientations in Hermeneutic Philosophy of Science / [D. Ginev, ed.]. – Leiden : Brill, 2015. – 201 p.
11. Ginev D. Social practices from the viewpoint of trans-subjective existentialism / Dimitri Ginev // *European Journal of Social Theory*. – 2014. – Vol. 17(1). – P. 77-94.
12. Ginev D. *Practices and Possibilities* / Dimitri Ginev. – Würzburg : Königshausen & Neumann, 2013. – 160 p.
13. Reckwitz A. Toward a theory of social practices: a development in culturalist theorizing / A. Reckwitz // *European Journal of Social Theory*. – 2002. – Vol. 5. – P. 243-63.
14. Гинев Д. Между феноменологией и постаналитической философией: перспектива герменевтического реализма / Д. Гинев // *Эпистемология и философия науки*. – 2010. – Т. 26. – № 4. – С. 16-34.
15. Ginev D. The Pluralistic Public Sphere from an Ontological Point of View / Dimitri Ginev // *Critical Theory After Habermas* / [D. Freundlich, W. Hudson, J. Rundell, eds.]. – Leiden : Brill, 2004. – 352. p.– P. 77-103.